

БИБЛИОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Юбилей Лейпцига вызвалъ полемику между германскими и австрійскими военными журналами. Въ «Streffleurs militärische Zeitschrift» австрійскій полковникъ Максимильянъ ф.-Хоенъ даетъ отвѣдь прусскому генераль-маіору Густаву ф.-Дикхуть-Харашъ, напечатавшему въ «Militär-Wochenblatt» юбилейную статью, изъ коей вытекало, что всѣ заслуги въ борьбѣ съ Наполеономъ принадлежатъ Пруссіи, что одинъ Блюхеръ былъ достойный генераль, что за всѣ ошибки отвѣтственность падаетъ на австрійскаго главнокомандующаго, князя Шварценберга.

Австрійскій авторъ отмѣчаетъ, во-первыхъ, громадную заслугу австрійскаго императора Франца, примкнувшаго къ Пруссіи и Россіи. Изъ земель Габсбургской короны еще на памяти стариковъ была похищена драгоцѣнная провинція—Силезія; за ничтожнѣйшую помощь Наполеону Австрія получила назадъ эту землю. Истощенной многими войнами Австріи не было основаній втягиваться въ новую борьбу съ супругомъ дочери австрійскаго императора. Если Австрія все же приняла рѣшительное участіе въ борьбѣ за освобожденіе Германіи, то игнорировать эту заслугу въ юбилейные дни не приходится.

Мнѣніе прусскихъ историковъ о жалкомъ верховномъ руководствѣ—несправедливо. Въ началѣ осенняго похода союзники не располагали подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ; оно создалося

постепенно—союзники получали подкрѣпленія, а силы Наполеона таяли отъ недостаточности продовольствія, форсированныхъ маршей и частныхъ боевъ. Союзники планомерно заматывали французскую армію, вели энергичныя партизанскія дѣйствія въ тылу Наполеона—и имѣли успѣхъ. Самъ Блюхеръ энергичнѣе другихъ носился впередъ и назадъ—это нельзя назвать жалкой бездѣятельностью.

Пруссаки увѣряютъ, что одинъ Блюхеръ не боялся Наполеона, а всѣ другіе генералы уклонялись отъ встрѣчи съ нимъ. Однако, утверждаютъ австрійцы, событія 1813 и, въ особенности, 1814 годовъ указываютъ, что генераль «Впередъ» (Блюхеръ) всегда стремился избрать такое направленіе для наступленія, на которомъ меньше всего шансовъ было столкнуться съ Наполеономъ. Лучше всего можно прослѣдить подавляющее могущество личности Наполеона и вліяніе общаго, твердо установленнаго, убѣжденія въ подавляющемъ превосходствѣ его въ веденіи боя именно на смѣломъ рубакѣ Блюхерѣ, чье мужество и готовность брать на себя отвѣтственность не подлежатъ сомнѣнію.

Невѣрно утвержденіе пруссаковъ, что своей переправой черезъ Эльбу Блюхеръ принудилъ къ тому же и Бернадота и заставилъ Шварценберга перейти Рудныя горы. Что Бернадотъ не бросался со своими 60.000 солдатъ въ районъ, гдѣ Наполеонъ обладалъ превосходствомъ въ силахъ, а поджидалъ Блюхера—это вполне понятно.

Нѣкоторую вялость дѣйствій Шварценберга въ первый періодъ Лейпцигской операціи австрійскій писатель объясняетъ тѣмъ, что распоряженіе русской гвардіей принадлежало ему весьма условно и Императоръ Александръ заботился о сохраненіи этого отборнаго корпуса больше, чѣмъ объ его цѣлесообразномъ употребленіи.

Несомнѣнно, у Метерниха была въ это время мысль о желательности сохранить за Наполеономъ французскій тронъ; на этомъ и базируются прусскіе писатели, допуская, что австрійцы умышенно выпускали французскаго императора. Но все же недопустимымъ является грѣшное передъ истиной изложеніе прусскихъ историковъ, стремящееся къ тому, чтобы сосредоточить на пруссакахъ всѣ солнечныя лучи; только пруссаки и увлекали будто бы остальныхъ, трусящихъ и колеблющихся.... Этотъ старо-пруссскій историческій стиль не считается съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣлись у союзныхъ генераловъ. Какъ бы допуская, что они все время были вполне ориентированы, прусскіе историки говорятъ—имъ нужно было поступить такъ-то, они этого не сдѣлали—печальные вожди; рѣзкая критика союзниковъ не считается съ мотивами ихъ дѣйствій. Это очень патріотично, но едва ли уместно по поводу юбилея союзной побѣды, на которомъ у всѣхъ принимавшихъ участіе въ сраженіяхъ должно быть равное право радоваться и гордиться.

Такъ-то платятъ за вѣрность, за боевое братство!

Въ этой полемикѣ замѣтна трещина между прусскимъ и австрійскимъ міровозрѣніями—трещина, свидѣтельствующая, что исторія еще не охладила глубокаго соперничества между государствами Гогенцолерновъ и Габсбурговъ. Лейпцигъ—большое всенѣмецкое дѣло, совершившееся при энергичномъ участіи русскихъ. И государства, такъ долго боровшіяся за гегемонію въ Германіи, не могли не заспорить о своей роли въ этомъ національномъ подвигѣ. Старая рана....

Выдающійся интересъ представляютъ замѣтки капитана Беланжа, собранныя при поѣздкѣ по Балканскимъ полямъ сраженій и напечатанныя въ «Revue d'artillerie».

Въ виду уклоненія турецкой артилеріи отъ поединка, болгарской артилеріи приходилось обыкновенно брать на себя задачу непосредственной поддержки наступленія пѣхоты. Такъ какъ болгарамъ приходилось занимать позиціи на мягкомъ рельефѣ, то, въ погонѣ за полученіемъ достаточнаго закрытія, батареи прятались далеко за прикрывающей гребень, связь съ наблюдательными пунктами оставяла желать лучшаго, и залпы дѣлались часто не во-время. Боязнь упасть подъ огонь во время выѣзда заставляла часто занимать позицію на предѣлѣ—дальше 5 верстъ. Такъ было подъ Кара-агачемъ; а мѣстность допускала занятіе закрытыхъ позицій всего въ 2—3 верстахъ, при условіи выѣзда на нихъ ночью, такъ какъ приходилось переваливать черезъ открытый гребень. Болгарская артилерія и не пыталась совершить этотъ переѣздъ, а отвратительно поддерживала пѣхоту въ этомъ важнѣйшемъ сраженіи (Люле-Бургасъ—Бунаръ-Гиссаръ).

Сербская артилерія дѣйствовала смѣлѣе: занимала позиціи ближе къ гребнямъ, каждую ночь въ бою использовывала для скачковъ впередъ на 1½—2 версты; иногда приходилось даже платиться за вновь выбранную ночью позицію. Превосходство сербской артилеріи объясняется отчасти тѣмъ, что въ мирное время она имѣла вдвое большее количество запряжекъ, чѣмъ болгарская, и потому могла маневрировать гораздо увѣреннѣе.

Примѣненіе пристрѣлочныхъ орудій оказалось крайне невыгоднымъ, такъ какъ такое орудіе быстро обнаруживается неприятелемъ и обрекается въ жертву.

Несмотря на то, что многіе командиры батарей на Балканахъ получили артилерійскую подготовку во Франціи, не удалось установить, чтобы «прогрессивная» стрѣльба примѣнялась хотя бы однажды.

Какъ ни вѣрять въ свой родъ оружія французскій артиллеристъ, все же онъ замѣчаетъ, что, повидимому, и турки и болгары излишне опасались артилерійскаго огня. Какъ только надъ болгарами начинали рваться снаряды, сейчасъ же они принимались рыть окопы, не обращая вниманіе на то, что съ даннаго пункта не открывается никакого обстрѣла. Резервы окапывались одновременно съ цѣлью; получалось тѣсное нагроможденіе линій окоповъ въ затылокъ, мало пригодное къ послѣдовательной оборонѣ ихъ. У сербовъ резервъ стремился окопаться такъ, чтобы создалась попутно пригодная второлінейная позиція. Основательно или нѣтъ, но на Балканахъ свойство артилеріи пришивать противника къ мѣсту проявилось въ большой степени. Всѣ говорятъ о значеніи моральной поддержки, оказываемой артилерійскимъ огнемъ пѣхотѣ, и часто, при плохой связи съ батареями, спрятавшимися на слишкомъ глубоко закрытой позиціи, артилерійскій огонь и ограничивался, повидимому, только моральнымъ эффектомъ.

Болгары, плохо поддерживаемые артилеріей, предпочитали брать окопы ночными штыковыми атаками; сербы (у нихъ связь пѣхоты съ артилеріей была хорошо налажена) предпочитали дневное наступленіе. У болгаръ вообще артилерія была очень слаба; на 24 баталіона дивизіи приходилось всего 36 скорострѣльныхъ орудій; правда, было еще мобилизовано по 36 старыхъ пушекъ, но послѣднія попали на осаду Адрианополя, частью на формированіе 10-й и 11-й дивизій; объ ихъ дѣйствіяхъ въ полевыхъ бояхъ не было вовсе слышно. Болгарская дивизія—это цѣлый корпусъ; 3 дивизіона артилеріи обычно распредѣлялись по тремъ бригадамъ. Дробленіе артилеріи у болгаръ шло такъ далеко, что можно привести примѣръ взвода, дѣйствовавшего отдѣльно, въ которомъ обѣ пушки обстрѣливали совершенно разныя цѣли, несмотря на то, что не было никакихъ обстоятельствъ, которыя бы заставляли торопиться съ обстрѣломъ сразу обѣихъ цѣлей. У сербовъ дивизіи были слабѣе—16 баталіоновъ—при томъ же числѣ скорострѣльныхъ пушекъ, и потому артилерія была пропорціонально сильнѣе, дѣйствовала дружиѣе и добивалась лучшихъ результатовъ.

Авторъ высказывается противъ тяжелой полевой артилеріи: во встрѣчныхъ бояхъ, по его мнѣнію, она не нужна, а для атаки укрѣпленныхъ позицій можно подтянуть легкіе осадные парки.

Въ томъ же журналѣ капитанъ Ромэнъ даетъ историческую справку о дѣятельности чрезвычайной комиссіи по перевооруженію артилеріи, собранной Бонапартомъ въ 1801 году. Въ нее вошелъ цѣлый рядъ

выдающихся артиллеристовъ; можно было ожидать, что комиссія дастъ цѣнную работу. Результатъ оказался обратный; призванная упростить вооруженіе отказомъ отъ излишнихъ образцовъ, она ввела такую пестроту образцовъ пушекъ и лафетовъ, даже для общихъ калибровъ, что въ 1809 году пришлось передѣлывать ея работу сначала, и военный министръ жаловался на легкомысленность всей предпринятой реформы. Рѣшенія принимались безъ опытовъ стрѣльбы и испытанія принятыхъ образцовъ, а въ артиллерійскомъ дѣлѣ опытность не всегда можетъ возмѣстить отсутствіе опытовъ.

Изъ дебатовъ комиссіи представляетъ интересъ споръ сторонниковъ тяжелыхъ и легкихъ полевыхъ пушекъ. Уже давно сталкиваются защитники подвижности полевой артиллеріи съ убѣжденными сторонниками введенія въ ея составъ мощныхъ орудій. Обсуждая качества 4-фунтовыхъ и 8-фунтовыхъ пушекъ (калибрь 3,4 и 4,2 дюйма), большинство склонялось къ защитѣ малаго калибра, доставка боевого комплекта къ коему легче, и онъ скорострѣльнѣе: «а ядра ихъ выполняютъ свою работу также, какъ и ядра болѣе крупныхъ калибровъ; если же малый калибрь уступаетъ въ дальности, то зато болѣе легкія пушки можно дальше выдвинуть къ противнику».

Но, говорить предсѣдатель комиссіи, только искусные артиллеристы поймутъ предпочтеніе 4-фунтоваго калибра для полевой войны; общее же мнѣніе всей арміи—за 8-фунтовый калибрь, за могущество; это и склонило комиссію къ среднему рѣшенію—за 6-фунтовыя пушки. Комиссіи всегда останутся комиссіями!

Тамъ же мы находимъ статью капитана Пэлу о тринитротолуолѣ—въ просторѣчии называемомъ тротиломъ или толомъ—повсюду примѣняемомъ теперь для снаряженія снарядовъ. Онъ очень нечувствителенъ къ ударамъ: по сравненію съ сухимъ пироксилиномъ—въ 16 разъ, съ влажнымъ—въ 2 раза, съ мелинитомъ—въ 4 раза. Его можно почти въ упоръ прострѣливать остроконечной пулей—онъ не взрываетъ; снарядъ безъ трубки, снаряженный толомъ, при ударѣ въ броню, также не взрываетъ. Толъ безопасно выдерживаетъ, при прессовкѣ, давленіе свыше 1.000 пудовъ на квадратный дюймъ. Въ то время, какъ мелинитъ представляетъ кислоту, образующую съ металлами пикраты, такіе же опасные, какъ гремучая ртуть, толъ химически безразличенъ. Онъ немного слабѣе мелинита—представляетъ ³⁴/₃₇ его силы, что практическаго значенія не имѣетъ.

Ротмистръ Трошке въ «Kavalleristische Monatshefte» описываетъ успѣхъ лавы сто лѣтъ тому назадъ, въ бою подь Люнебургомъ 2-го апрѣля 1813 года. Подь казаками тогда въ Германіи понимали не только собственно казаковъ, но и всю русскую легкую конницу—башкиръ, гусаръ, драгунъ. Обаяніе русскихъ казаковъ надъ неоправившейся отъ погрома 1812 года французской арміей было такъ велико, что принцъ Евгеній, подь угрозой слуха о появленіи у него въ тылу нѣсколькихъ тысячъ казаковъ, очистилъ линію рѣки Одеръ, упорное удержаніе коей требовалось Наполеономъ. Подь Люнебургомъ (недалеко отъ Гамбурга) 2.000 легкой русской конницы, съ 800 прусскими пѣхотинцами, почти совершенно уничтожили отрядъ въ 3.000 человекъ французско-саксонской пѣхоты. Этотъ примѣръ работы самостоятельной конницы дѣйствительно поразителенъ. Партизанскіе отряды Чернышева, Бенкендорфа, Дёрнберга соединились и атаковали съ утра французскую пѣхоту въ городѣ, окруженномъ стѣной и валомъ. Батарей, которую французы пытались выставить внѣ вала, изюмскіе гусары сняли. Генераль Моранъ, братъ аустерлицкаго героя, сдѣлавшій себѣ карьеру на дипломатическомъ поприщѣ, совершенно растерялся—сначала разослалъ свою пѣхоту ко всѣмъ городскимъ воротамъ, потомъ рѣшилъ отступать, но половина разрозненныхъ пѣхотныхъ силъ застряла въ городѣ и была отрѣзана. Выйдя изъ города въ поле съ другой половиной отряда, Моранъ остановился и началъ поджидать отрѣзанныя части, былъ самъ окруженъ лавой и въ концѣ концовъ положилъ оружіе. 12 пушекъ, 9 полковниковъ, 100 офицеровъ и 2.630 солдатъ были взяты въ плѣнъ. Кавалерія, атаковавъ городъ, защищаемый пѣхотой, разрѣшила задачу, въ исполнимость коей въ мирное время никто бы не повѣрилъ. А какъ были вооружены «казаки»? Въ Люнебургскомъ городскомъ музеѣ показываютъ до сихъ поръ лукъ и стрѣлы башкиръ, которые одержали успѣхъ надъ хорошимъ оружіемъ французовъ. Одношереножный строй торжествовалъ въ этомъ бою. Атака сплошной стѣной, по Фридриховски, представляетъ гораздо менѣе гибкій методъ дѣйствій. Въ одну шеренгу и по возможности со всѣхъ сторонъ—это требованіе еще болѣе отвѣчаетъ условіямъ современнаго боя, чѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ.

Бой подь Люнебургомъ показываетъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ самостоятельная конница подкрѣплялась небольшими пѣхотными частями для огневого дѣйствія; тамъ же работали съ конницей и 7 пушекъ. Въ будущемъ болѣе значительное участіе конной артиллеріи и пулеметовъ дастъ и столкновеніямъ самостоятельной конницы тотъ же пѣше-конный характеръ.

Тамъ же поручикъ баронъ Лачеръ ф.-Лауэндорфъ разрабатываетъ важный вопросъ о боѣ конницы противъ пѣхоты и артилеріи. Онъ замѣчаетъ, будто бы, что началась нѣкоторая реакція и что громче раздаются голоса, признающіе конницу боевымъ родомъ войскъ. Успѣхъ въ бою для конницы достижимъ, лишь бы она рисковала, а не боялась потерь. Нижніе чины въ конницѣ комплектуются изъ крестьянъ, служатъ лишній годъ и представляютъ болѣе надежный матеріалъ, чѣмъ наполняющіе ряды пѣхоты фабричныя рабочіе. Пѣхота теперь примѣняетъ рѣдкіе строи, очень трудные, въ моральномъ отношеніи, для противодѣйствія конной атакѣ. У нея теперь нѣтъ спасительныхъ каръ, щетинаштыковъ коихъ представляла для конницы непреодолимое препятствіе и спасала пѣхоту отъ деморализаціи и бѣгства въ рассыпную. Теперь у пѣхотинца осталась только вѣра въ винтовку и въ самого себя. Но развѣ въ нашъ вѣкъ всякихъ губящихъ духъ пропагандъ моральныя силы пѣхотинцевъ стоятъ такъ высоко? А успѣхъ кавалерійской атаки будетъ рѣшенъ именно въ сферѣ духа, а не техники оружія. Неразстроенная пѣхота во всѣ времена были неуязвима для конницы. Въ частности, техника оружія даетъ и минусы: настильность пѣхотной винтовки нынѣ поведетъ къ тому, что больше пуль засвиститъ высоко надъ головами атакующей конницы. Ранѣе залпъ пѣхоты ложился, какъ карточка, недалеко передъ фронтомъ и наносилъ конницѣ вѣрныя потери.

Неудачи многихъ атакъ 1870 года объясняются тѣмъ, что конница стояла по полусутокъ на полѣ сраженія и не развѣдывала мѣстности; когда же ей приходилось атаковать, она неожиданно напарывалась на непреодолимыя препятствія. Въ будущемъ конница должна будетъ пользоваться мѣстностью, какъ и пѣхота.

Если бы приказаніе Канробера подъ Сень-Прива, 18-го августа 1870 г., кавалерійской дивизіи—атаковать истощенную и залегшую передъ селеніемъ прусскую гвардію—было бы исполнено полностью, а не двумя эскадронами, у пруссаковъ, вѣроятно, разразилась бы общая паника, и такъ вспыхивавшая мѣстами и съ трудомъ удерживавшаяся; въ Русско-японскую войну можно также отмѣтить рядъ случаевъ, когда атака конницы на залегшую при наступленіи японскую пѣхоту обѣщала крупный успѣхъ.

Въ мирное время конницу не слѣдуетъ пріучать бояться огня. Въ этомъ отношеніи надо работать посредникамъ на маневрахъ. Отдѣльные всадники развѣздовъ должны смѣло подъѣзжать на 1.000 шаговъ къ непріятельскимъ походнымъ колоннамъ. Въ защитномъ обмундированіи ихъ будутъ путать со своими кавалеристами. Да и бояться огня особенно нечего. Въ 1864 году одинъ датскій ординарецъ былъ отрѣзанъ и на хорошемъ галопѣ огибалъ уголь, занятый

4 ротами егерей. Эти егеря, комплектовавшіеся лѣсниками, еще до службы умѣли стрѣлять и выпускали по 90 патроновъ въ годъ на практической стрѣльбѣ въ теченіе четырехлѣтней службы. Всѣ стрѣлки баталіона дали по выстрѣлу въ скачущаго въ 3 шагахъ вдоль фронта датскаго кавалериста—и всѣ промахнулись.

Потери въ кавалерійскихъ атакахъ не такъ велики. Бригады Бредова и Мишеля въ 1870 году (при атакѣ въ очень трудныхъ условіяхъ и возвращеніи подъ непріятельскимъ огнемъ) потеряли убитыми и ранеными около 50⁰/₀. Это много, но какой генералъ остановится передъ требованіемъ такихъ потерь отъ пѣхоты, разъ отъ этого зависитъ рѣшеніе боя?

Въ сраженіи подъ Кенигредомъ австрійская пѣхота на высотахъ Хлума остановилась въ 100 шагахъ передъ пруссаками—не хватило моральной упругости—и съ громадными потерями отхлынула назадъ. Разбѣгъ лошади, высланной съ полной энергіей, помогаетъ кавалеристу преодолѣть это послѣднее моральное препятствіе передъ ударомъ.

Конницу губить боязнь потерь. Пѣхота такъ хорошо справляется съ боевыми задачами, несмотря на гораздо болѣе слабый составъ и на присутствіе въ ея рядахъ массы резервистовъ, потому, что запасные баталіоны готовы всегда пополнить образовавшіеся въ ея рядахъ просвѣты. Если бы пѣхотные начальники должны были считаться съ такими же трудностями комплектованія и пополненія, какъ въ Семилѣтнюю войну, то, вѣроятно, связанныхъ съ большими потерями приемовъ боя также стали бы избѣгать; вѣдь въ Семилѣтнюю войну можно было, одержавъ съ большими потерями нѣсколько побѣдъ, оказаться въ положеніи, худшемъ противника, который лучше сберегъ армію.

Чтобы конница могла смѣло дѣйствовать на поляхъ сраженій, нужно обезпечить ей возможность пополненія. Австрійская конница выступить въ походъ въ составѣ 54.830 всадниковъ. Въ запасныхъ эскадронахъ будетъ 9.000 коней, но, по опыту мобилизаціи 1912—1913 гг., только 2.000 изъ нихъ исполнѣ пригодны. А надо, чтобы пополненія лошадьми были не такія, какія образовали въ 1813 году прусскую ландверную конницу—«этотъ ходячій лѣсъ пикъ» и печальную конницу Мюрата подъ Либертовольквицемъ. Съ другими источниками, австро-венгерская конница располагаетъ 10⁰/₀ запасныхъ коней, а, чтобы конница могла рисковать на полѣ сраженія, нуженъ запасъ коней въ 50⁰/₀.

Авторъ видитъ выходъ въ покупкѣ и выѣздкѣ большаго числа верховыхъ коней военнымъ вѣдомствомъ; послѣ полугодичной выѣздки лошади должны уходить въ запасъ, т.-е. отдаваться на содержаніе желающимъ землевладѣльцамъ, принимающимъ обязательство пред-

ставить ихъ въ исправномъ видѣ при мобилизаціи. Чтобы не обременять излишне эскадроны выѣздкой большихъ ремонтовъ, можно образовать особыя ремонтныя депо. Такой способъ отдачи лошадей на содержаніе населенію широко проводится въ венгерскомъ гонведѣ. Нужно усиленіе штрафовъ за плохое содержаніе лошадей. Только въ Галиціи этотъ методъ далъ особенно неудовлетворительные результаты.

У полковника Сентъ-Шапнель, въ «*Journal des sciences militaires*» встрѣчаются любопытныя картинки, объясняющія жалкую роль конницы въ послѣднихъ походахъ Наполеона. Конницу разбирали на посылки. Генераль Монбрень (убитый впоследствии подъ Бородинымъ), несмотря на запрещеніе, сформировалъ себѣ изъ своей дивизіи отборный эскадронъ конвоя—личную гвардію, исполнявшую въ то же время роль деньщиковъ какъ генерала, такъ и офицеровъ и чиновниковъ его штаба. Чѣмъ блестяще была форма полка, тѣмъ сильнѣе его разбирали, такъ какъ штабные чины или господинъ армейскій аптекарь предпочитали, чтобы за нимъ ѣздилъ гусарь съ поразительнымъ ментикомъ, чѣмъ конный егеръ въ темной формѣ.

Походы въ Испанію и въ Россію поглащали неимоверное количество людей и лошадей. Въ походъ 1805 года конница, послѣ 4 лѣтъ мира, выступила въ обученномъ составѣ. Въ 1806 году депо дали все, что въ нихъ было лучшаго. Къ 1809 году въ нихъ уже ничего не оставалось. А требовалась немедленная высылка офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, солдатъ, лошадей. Начали искать повсюду—по канцеляріямъ, лавочкамъ, между деньщиками; всѣмъ, у кого была борода, давали сразу нашивки. Беспросыпный пьяница портной, плохого поведенія, ничего не знающій, попалъ въ унтеръ-офицеры за густые усы и бась, а черезъ недѣлю за то же былъ взводнымъ. Игрокъ и пьяница съ голоду на 37 году жизни поступаетъ писаремъ въ канцелярію; черезъ недѣлю онъ назначается фельдфебелемъ—за грамотность, а еще черезъ 3 недѣли, по случаю смерти императора, обоихъ производятъ въ подпоручики. И такое пополненіе прибываетъ въ полки, въ которыхъ подъ ихъ команду попали хорошіе унтеръ-офицеры, годами воевавшіе въ Испаніи. Однихъ забываютъ въ первыхъ рядахъ, а другимъ улыбаются незаслуженныя награды...

Но таковъ вообще удѣлъ военной службы: въ 1871 году французскіе офицеры, дравшіеся подъ Мецомъ, Вертомъ и Седаномъ, вернувшись изъ плѣна, оказались въ подчиненіи теплой кампаніи, устроившейся съ началомъ войны въ тылу—въ управленіяхъ, въ запасныхъ частяхъ. Всѣ назначен и офицеры, завѣдывавшіе обмун-

дированіемъ, оказались штабъ-офицерами, писаря, ветеринарные фельдшера—подпоручиками...

Въ «Revue de cavalerie» любопытенъ протестъ Шарля Контераль противъ кавалерійскаго «606» — примѣненія уступовъ, какъ универсальнаго средства. Онъ разбираетъ извѣстнаго кавалерійскаго генерала Гесленъ де-Бургонь. Обстановка такова, что лѣсъ слѣва заставляетъ бригаду строиться уступами справа; но затѣмъ лѣса продолжаютъ уже влѣво, и изъ нихъ показываются непріятельскіе эскадроны: перестраиваются уступами слѣва въ тотъ самый дорогой мигъ, когда надо предписать противнику свою волю.

Противниковъ раздѣляетъ 900 шаговъ; бригада дѣлаетъ галопомъ 500 шаговъ въ минуту, противникъ, стремящійся выбраться изъ лѣса, идетъ полнымъ ходомъ — 650 шаговъ въ минуту — навстрѣчу. На бумагѣ у генерала Бургонь все идетъ гладко: онъ строитъ уступы съ обоихъ фланговъ и успѣваетъ послать за это время 5 приказаній различнымъ группамъ эскадроновъ, чтобы построить уступной порядокъ. Если сосчитать время на отдачу приказаній, доставку ихъ и исполненіе, то является очевиднымъ, что они не будутъ исполнены.

Авторъ своего рѣшенія не даетъ, но рекомендуетъ посмотрѣть, какъ летаетъ стая скворцовъ, безъ всякой команды исполняющая цѣлый рядъ эволюцій: одновременно вспархиваютъ, поднимаются, опускаются, поворачиваютъ направо, налево, строятъ то круги, то длинныя линіи, загибаютъ крючки—и никогда вы не предскажете ни ихъ направленія, ни строя.

Если бы кавалерійскія задачи рѣшались не на бумагѣ, а на галопѣ, и противникъ такъ же галопировалъ бы, то выработывались бы болѣе цѣнные приемы.

Надо отмѣтить 2 статьи по крѣпостнымъ вопросамъ въ «Journal des sciences militaires». Генераль Рукероль разбираетъ организацію гарнизона крѣпости съ точки зрѣнія связи. На Трехголовой горѣ въ Портъ-Артурѣ гарнизонъ 1-го августа образовался изъ 2 командъ охотниковъ, взвода 5-й роты и полуроты 6-й роты моряковъ, 2-й и 3-й роты 4-го запаснаго баталіона и полуроты 13-го В. С. стр. полка. Если съ такимъ нарушеніемъ организаціонныхъ связей русскія войска, въ общемъ, упорно и удачно обороняли важнѣйшія точки Портъ-Артура, то это отнюдь не должно служить примѣромъ

другимъ: очень глубоко должно быть понятіе дисциплины въ русскомъ солдатѣ, велика рѣшимость драться на смерть, если онъ въ тяжеломъ бою слушалъ указанія незнакомыхъ офицеровъ, окруженный незнакомыми товарищами. Другимъ арміямъ это не по плечу. Онѣ и въ крѣпостяхъ должны строго соблюдать группировку по полкамъ. Было бы особенно ошибочно пытаться поднять духъ территориальныхъ частей, составляющихъ гарнизонъ сектора, включеніемъ въ него и баталіона полевой пѣхоты. Цѣнность этого полевого баталіона, оторваннаго отъ своего полка, значительно уменьшится, а выражаемое этой группировкой недовѣріе къ территориальной пѣхотѣ, снимая съ нея часть отвѣтственности, не даетъ ей проявить всю ея энергію до конца. Но самъ авторъ грѣшитъ противъ устанавливаемаго имъ принципа, предлагая всѣ форты занять все же гарнизономъ изъ полевыхъ войскъ. Не ярче ли всего въ этомъ проявляется и разброска отборной части гарнизона, и недовѣріе къ территориальной пѣхотѣ!

Хорошо было въ П.-Артурѣ дѣленіе на отдѣлы; артилерійскіе участки не совпадали съ отдѣлами обороны; начальники артилерійскихъ участковъ получали приказанія прямо отъ командира крѣпостной артилеріи, независимо отъ начальниковъ отдѣловъ обороны. Это, по мнѣнію автора, было одной изъ причинъ, почему крѣпостныя батареи не сыграли въ защитѣ Артура замѣтной роли. Примѣры плохой работы артурскихъ крѣпостныхъ артилеристовъ многочисленны; то они обстрѣливаютъ окопы Дагушаня, въ которыхъ держатся свои стрѣлки, то они зѣваютъ обстрѣлять очищенную нами Сиротку, то производятъ бесплодное сосредоточеніе огня по площадямъ, гдѣ предполагается сборъ японцевъ. Организанія въ крѣпости должна быть такова, чтобы пѣхотный начальникъ, работающій въ 4 верстахъ впереди обвода, въ теченіе четверти часа могъ получать помощь крѣпостныхъ батарей.

Поручикъ Бэкуръ такъ характеризуетъ французскую крѣпость: обводъ по радіусу въ 6 верстъ; на немъ промежуточные верки—въ 3 верстахъ другъ отъ друга, фланкирующіе промежутки. Подъ ихъ прикрытіемъ располагается крѣпостная артилерія—не скорострѣльная, старыя орудія на закрытыхъ позиціяхъ. Промежутки занимаются пѣхотой, которая почти не располагаетъ безопасными убѣжищами и должна драться въ укрѣпленіяхъ полевой профили. По 2 трехдюймовыхъ пушки, обстрѣливающія промежутки съ каждой стороны, да медленный огонь крѣпостныхъ орудій сзади—вотъ вся ея поддержка на многіе мѣсяцы осады. Въ основу организанціи фран-

цузской крѣпости ставится требованіе хорошей и многочисленной пѣхоты, и ложится предположеніе, что неподвижныя батареи на закрытыхъ позиціяхъ будутъ существовать—противнику не удастся установить ихъ точное мѣсто. Это, конечно, наивно, когда каждый день надъ крѣпостью будутъ проноситься воздушные развѣдчики.

Германская организація обвода, въ видѣ группъ, также не одобряется авторомъ для Франціи, хотя сама по себѣ представляетъ весьма элегантное рѣшеніе вопроса; широкіе интервалы между группами требуютъ очень хорошей пѣхоты въ составѣ крѣпостного резерва. Франція же, бѣдная людьми, должна быть очень скупа на назначенія годныхъ для боя въ полѣ частей въ крѣпостные гарнизоны.

Крѣпость автора, для плохой и немногочисленной пѣхоты, должна быть образована большимъ числомъ опорныхъ пунктовъ, непременно съ фланкируемыми рвами и малокалиберной артилеріей въ башняхъ. Бетонныя убѣжища должны рассчитываться на 11 д. мортиры, для чего имѣть 6-футовые желѣзобетонныя своды или 8½ футовые бетонныя, вмѣсто примѣняемыхъ 3-футовыхъ изъ желѣзобетона или 5 футъ бетона. Промежутки—не выше версты. Въ каждомъ отдѣлѣ обороны—нѣсколько башенъ съ длинными пушками. Борьба съ неприятельской артилеріей возлагается на башни съ 48 д. гаубицами.

Если Франція бѣдна людьми, то она и скупа на деньги, и дорого стоящая крѣпость автора едва ли найдетъ когда нибудь осуществленіе.

Въ «Revue du génie militaire» генераль Камонъ освѣщаетъ отношеніе Наполеона къ крѣпостямъ. Наполеонъ очень цѣнилъ крѣпости и всегда возражалъ даже противъ упраздненія второлінейныхъ, потерявшихъ, казалось, всякое значеніе. Основная мысль Наполеона—все крѣпости хороши. Онъ хотѣлъ бы даже имѣть крѣпость въ сердцѣ Франціи, въ Орлеанѣ. Но государство можетъ удѣлить на крѣпостное строительство только полтора милліона франковъ, и фантазій разводить не приходится. На крѣпости второй линіи—Лонгви, Саарлуи, Пфальцбургъ, Саарбургъ Наполеонъ не хочетъ тратить ни копейки, но требуетъ надзора, чтобы ихъ не разрушали. «За сто лѣтъ времени, даже вовсе не поддерживаемое, укрѣпленіе не старѣетъ настолько, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, цѣною денегъ и рабочихъ рукъ, нельзя было бы привести его въ порядокъ. Если гдѣ нибудь и обсыпалась брешь въ эскарпѣ, то держится еще контръ-эскарпъ, стоитъ рavelинъ, и можно защищаться; впрочемъ, нѣтъ такихъ брешей, которыхъ нельзя было бы починить въ 3 мѣсяца».

Какъ далеки мы отъ эпохи Наполеона! Какъ измѣнился темпъ усовершенствованій! Никто теперь не скажетъ, что укрѣпленіе, ко-

тому сто лѣтъ, еще не устарѣло окончательно (ne se demode pas). Мы можемъ увѣренно сказать, что нынѣ всѣ верки, коимъ 30 лѣтъ, вышли окончательно изъ моды...

Въ «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» помѣщена статья маіора Мейера о духовныхъ основахъ германской вооруженной силы. Статья распадается на 2 части; въ первой авторъ стремится выяснитъ, какое вліяніе на армію имѣетъ духовная жизнь народа, а во второй, какія духовныя начала вырабатываетъ сама армія. Обоснованіе силъ арміи надо искать въ семьѣ, школѣ, религи и церкви, соціальной жизни, наукахъ, искусствѣ, хозяйствѣ и техникѣ—во всей жизни народа. Всеобщая воинская повинность поставила отдѣльную личность къ государству въ новыя отношенія. Въ этическомъ отношеніи чрезвычайную важность представляетъ рѣшеніе вопроса о правахъ и обязанностяхъ отдѣльной личности.

На стѣнахъ казармъ авторъ предлагаетъ написать изреченіе Канта: «смерти бояться меньше всего тѣ, чья жизнь имѣетъ наибольшую цѣну». Всеобщая воинская повинность требуетъ отъ отдѣльнаго лица наибольшей жертвы—жизнью, притомъ безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія. Оклады на военной службѣ—ничтожныя, а теперь нельзя на войнѣ даже ничего награть. Фонъ-деръ-Гольцъ, желая отгнать тяжесть военного призванія, приводитъ въ примѣръ 50-лѣтняго командира эскадрона, отца семейства, который несется впереди, черезъ изгороди и канавы, на непріятельскіе штыки. Если такое требованіе предъявить къ благодушествующимъ куцу, землевладѣльцу, фабриканту или капиталисту того же возраста, то лишь немногіе признаютъ осуществленіе такого требованія не сумашествіемъ для ихъ возраста.

Современныя арміи построены на томъ, что отдѣльныя лица презираютъ матеріальныя блага въ интересахъ цѣлаго, и наибольшая опасность грозитъ имъ отъ распространенія въ современномъ обществѣ матеріализма—не какъ науки, а какъ жизненнаго принципа погони за удовольствіями, какъ за цѣлью жизни. Соціалъ-демократическое ученіе, растравливаніе Марксомъ классовой вражды отравляетъ изнутри народы. Фабрики, машинная работа, явившіяся на смѣну ремесленному производству, тяжело отражаются на духовномъ воспитаніи народа. Раньше, когда не было такого раздѣленія труда, работодатель являлся и мастеромъ своего дѣла, зналъ каждаго чело-вѣка, могъ показать каждый пріемъ, пользовался большимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Теперь же участники производства совершенно отчуждены другъ отъ друга; нѣтъ той работы стариковъ съ моло-

дыми, которая раньше имѣла глубоко воспитательный характеръ: если утраченное въ жизни воспитаніе не будетъ давать школа, будущее рисуется очень мрачно. Теперь рабочій лишентъ возможности видѣть результаты своихъ трудовъ, а раньше онъ заканчивалъ вещь отъ начала до конца—и это былъ тоже сильно бодрящій стимулъ. Растетъ стремленіе къ роскоши, все меньше находится твердыхъ волей, расчетливыхъ людей. Гордятся вкладами въ сберегательныхъ кассахъ, но если бы подвели итоги долгамъ, которые дѣлаются людьми различныхъ положеній, то сдѣлались бы скромнѣе.

Служба въ войскахъ, умѣренная жизнь, должна противодѣйствовать этому разбалтыванію; не нелегка задача ротныхъ командировъ—работать надъ молодежью, которая между школой и призывомъ познакомилась съ нѣкоторыми благами жизни.

Совмѣстная работа школы и арміи надъ народомъ—задача, разрѣшаемая еще далеко неудовлетворительно.

Хорошій мраморъ не сдѣлаетъ плохого скульптора художникомъ. Хорошій солдатскій матеріалъ, при плохихъ офицерахъ, не создастъ хорошей арміи. Офицеръ—важнѣйшій факторъ въ вооруженной силѣ народа. Чтобы офицеръ могъ въ смертный часъ сохранить свой авторитетъ надъ людьми, нужно, чтобы его меньше всего касалась язва современного общества—жажда наживы, партійная борьба, роскошь, матеріалистическое міровозрѣніе. Офицеръ долженъ не дорого цѣнить жизнь и матеріальный достатокъ. Чѣмъ дольше продолжается лѣтний миръ, на который обречены нѣмцы, тѣмъ больше офицеры должны заботиться о своемъ долгѣ. Если въ офицерѣ живетъ идеализмъ, вѣрность, патріотизмъ, бодрость и любовь къ своему дѣлу, нижніе чины сейчасъ же замѣчаютъ это и послушно слѣдуютъ за нимъ.

Въ томъ же журналѣ, въ статьѣ о крѣпостяхъ-группахъ, полковникъ Велки оцѣниваетъ выгодность группъ крѣпостей, которыми наградила Германію въ своемъ «планѣ войны» полковникъ Незнамовъ. Авторъ не входитъ въ обсужденіе вопроса, насколько группы крѣпостей дѣйствительно существуютъ на восточномъ фронтѣ Германіи, и даже насколько предположеніе о нихъ раздѣляется руководящими кругами въ Россіи, а беретъ группы Торнъ—Фордонъ—Кульмъ—Грауденць, и Мариенбургъ—Диршау—Данцигъ, какъ учебный примѣръ.

Въ «Artilleristische Monatshefte» [Фробениусъ описываетъ осаду Скутари. Общій обводъ этой крѣпости, импровизованной во время

войны, достигаетъ 43-хъ верстъ, а безъ неукрѣпленныхъ непроходимыхъ участковъ (озера и т. д.)—35 верстъ. Система укрѣпленія обвода представляетъ значительный интересъ. Разумѣется, нѣмецъ-авторъ подчеркиваетъ, что такъ хорошо удалось укрѣпить потому, что комендантъ, Гассанъ-Риза-бей, учился въ Берлинской военной академіи, гдѣ научился и фортификаціи, и поддержанію порядка и дисциплины, и невмѣшательству въ политику....

Эссадъ-паша, къ которому перешло общее управленіе послѣ убійства Гассанъ-Ризы, въ Германіи не учился и оцѣнивается сурово, какъ человѣкъ, готовый идти къ своей цѣли по трупамъ. На позиціи онъ не являлся самъ, но во время боевъ разсылалъ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба для воодушевленія людей, и изъ 10 офицеровъ его штаба 8 были убиты. Самъ онъ отправился на позиціи только однажды, въ апрѣлѣ, когда часть солдатъ взбунтовалась изъ-за недостатка продовольствія. Прибывши на Брдицу, Эссадъ приказалъ въ своемъ присутствіи разстрѣлять 50 бунтовщиковъ. Что же, хоть рѣдко, но мѣтко.

Гарнизонъ Скутари въ началѣ осады насчитывалъ 19 баталіоновъ въ 17.000 человѣкъ, а при сдачѣ оказалось, несмотря на большія потери, 22 баталіона въ 24.000 человѣкъ... Въ строй была поставлена масса албанцевъ, собравшихся въ Скутари.

По адресу черногорцевъ авторъ высказываетъ, что для того, чтобы воевать, необходимъ нѣкоторый минимумъ культурности. Черногорцы почти никогда не чистили ружья, и они пришли въ отчаянный видъ. Одежду и снаряженіе черногорцы никогда не чистили; поставить заплатку—совершенно не въ привычкахъ черногорца, и очень скоро всѣ черногорцы оказались одѣтыми буквально въ лохмотья. То скудное снаряженіе, которое они получили, было частью растеряно частью приведено въ негодность. Дисциплины—никакой; особенно плохо, что офицеры родомъ изъ тѣхъ же селеній, какъ и ихъ люди; послѣдніе не слушаютъ близкихъ родственниковъ-командировъ. Въ артилеріи, гдѣ нѣтъ родства между офицерами и нижними чинами, дисциплина гораздо выше; захваченныя турецкія скорострѣльные батареи обслуживались нижними чинами черногорцами, а командиры были сербы; эти части производили безупречное впечатлѣніе.

Описывая взятіе большого Барданьола, авторъ, разумѣется, подчеркиваетъ, что всѣ атаки безумно храбрыхъ черногорцевъ не приводили ни къ чему; наконецъ, черногорцы догадались выставить въ немногихъ стахъ шагахъ отъ турецкой позиціи батарею *крутоскилъ*, отобранныхъ ранѣе у турокъ, скорострѣльныхъ пушекъ, и счастье немедленно же имъ улыбнулось....

А. Свѣчинъ.

«Rivista militare italiana» 1913 г. сентябрь.

Итальянскимъ военнымъ министерствомъ разслана въ войска новая инструкція, содержащая директивы по отношенію образованія офицеровъ войсковыхъ частей. Инструкція обращаетъ вниманіе офицеровъ на необходимость пріобрѣтенія путемъ самостоятельнаго труда самаго полного профессиональнаго образованія и ставитъ долгомъ начальниковъ поощреніе, а если нужно, и руководство въ этомъ дѣлѣ молодыми офицерами, указывая, что эти послѣдніе получаютъ въ школахъ лишь первое начало моральной и интеллектуальной подготовки, продолжать же и завершать ее имъ слѣдуетъ самимъ, на службѣ. Въ чемъ именно должно состоять профессиональное образованіе офицеровъ, на которомъ особенно настаиваетъ новая инструкція, эта послѣдняя не опредѣляетъ и, руководствуясь принципомъ инициативы, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ качествъ, оставляетъ каждому свободу выбора дѣйствій. Она ограничивается лишь указаніемъ, что въ основу профессиональнаго образованія офицеровъ должно быть положено полное и глубокое знаніе тактики и уставовъ.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «О профессиональномъ образованіи офицеровъ», начатой печатаніемъ съ іюня текущаго года, капитанъ Ликомати выясняетъ, что, имѣя, дѣйствительно, основой своею указанныя въ инструкціи познанія, профессиональное образованіе офицеровъ не можетъ этими познаніями исчерпываться, а должно быть еще существенно дополнено. Совершенно соглашаясь съ цѣлесообразностью предоставленія, въ цѣляхъ развитія чувства индивидуальной инициативы, каждому офицеру свободы выбора и дѣйствій, авторъ находитъ, что въ дѣлѣ, столь сложномъ, какъ образованіе офицеровъ, и касающемся направленія умственной дѣятельности молодыхъ людей, необходимо намѣтить хотя бы въ главныхъ чертахъ программу ихъ образованія и указать имъ, чего отъ нихъ хотятъ. Нельзя, говоритъ онъ, упускать изъ виду, что мало замѣчается въ настоящее время, въ комъ бы то ни было, желанія увеличить, хотя бы путемъ чтенія, запасъ пріобрѣтенныхъ въ училищахъ свѣдѣній по общему или специально военному образованію; по окончаніи положенныхъ экзаменовъ книги закрываются и о нихъ больше не вспоминаютъ. Надѣяться, поэтому, на то, чтобы молодые офицеры могли самостоятельно и слѣдуя по собственному пути, завершить свое образованіе соотвѣтственно требованіямъ времени, едва ли основательно. Уставы и инструкціи могутъ быть уподоблены лишь инструментамъ, потребнымъ для того или другого мастерства. Умѣнья обращаться съ такими инструментами еще недостаточно для того, чтобы сработать надлежащее издѣліе; необходимо также полное знакомство

со свойствами матеріала, поступающаго въ руки мастера, и съ назначеніемъ издѣлія. Чтобы современный офицеръ могъ выполнить свое назначеніе, какъ воспитатель вѣранныхъ ему людей, недостаточно знанія уставовъ и военного искусства; совершенно необходимо для него также знаніе человѣка, котораго онъ долженъ воспитать и вести въ бой, а также той общественной среды, въ которой будетъ имѣть мѣсто его дѣятельность. Офицеръ долженъ знать своихъ людей, какъ членовъ гражданского общества, нынѣ страдающаго недостаткомъ, какъ нравственности, такъ и дисциплины, и болѣе жаднаго къ правамъ, нежели склоннаго къ исполненію обязанностей. Онъ долженъ умѣть внушить такимъ людямъ чувство долга и совѣсти, обратить ихъ въ солдатъ и сознательныхъ членовъ военной семьи, налагающей на нихъ исключительно долгъ и обязанности. Если достиженіе такой цѣли не требуетъ отъ современныхъ офицеровъ обширныхъ философскихъ познаній, то все же является совершенно необходимымъ надлежащее историко-соціальное образованіе, соединенное съ значительною долей нравственной энергіи и силою характера. Изученіе соціальной среды необходимо офицерамъ по той уже причинѣ, что изъ этой среды они получаютъ людей со всѣми ихъ заблужденіями, которыхъ офицеры обязаны переработать для арміи, а затѣмъ вернуть перевоспитанными и исправленными странѣ.

На вопросъ—нужно ли офицерамъ соціальное образованіе—авторъ отвѣчаетъ—да; на вопросъ—приобрѣтается ли такое образованіе изъ современныхъ трактатовъ по социологіи—онъ отвѣчаетъ—нѣтъ. Итальянскимъ офицерамъ авторъ рекомендуетъ историко-литературное изученіе итальянскаго возрожденія и указываетъ какъ путь для такого изученія, такъ и надлежащіе источники.

Авторъ, подписавшійся литерами Е. С., даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи Сербіи и описываетъ боевые успѣхи Черногоріи за продолжительный ея историческій періодъ.

Около половины XIV вѣка Сербія достигла наивысшаго своего могущества и раздвинула свои границы отъ Адриатическаго моря до Чернаго и отъ Дравы до Марицы. Царь Душанъ собралъ даже рать для похода на Константинополь съ цѣлью его завоеванія, и лишь послѣдовавшая въ 1356 году его смерть не дала этому предпріятію возможности осуществиться. На Косовомъ полѣ, вмѣстѣ съ 30.000 павшихъ воиновъ, пало и могущество Сербіи. Славяно-сербскія территории, Болгарія, Боснія и Герцеговина были завоеваны турками, а послѣ того, какъ и Албанія признала надъ собою въ 1592 году власть Мурада-Третьяго, одна лишь Черногорія удержала свою независимость и сохранила ее, не взирая на необычайный ростъ турецкаго могущества и всѣ усилія турокъ подчинить себѣ эту малень-

кую страну, геройски боровшуюся съ турками даже въ то время, когда они заняли Венгрію и распространили ужасъ среди всего христіанскаго міра Европы. Въ 1410 и 1421 годахъ черногорцы успѣшно отразили нападенія турокъ, а въ періодъ съ 1424 по 1436 годъ выиграли у нихъ 63 сраженія. Въ періодъ съ 1440 по 1450 годъ они одержали надъ турками нѣсколько побѣдъ; въ 1478 году разбили въ союзѣ съ венеціанцами войска Махмуда-Второго. Въ 1480 году отняли у турокъ фортъ Жаблякъ и въ союзѣ съ албанцами успѣшно воевали противъ турокъ. Съ 1483 по 1522 годъ успѣшно отражали турецкія нападенія. Въ 1524 году поддержали противъ турокъ Боснію; въ 1570 году одержали побѣду надъ Беглеръ-баномъ Румелин, въ 1604 году надъ Али-беемъ Скутари, въ 1612 году надъ Мехмедъ-пашей, а въ слѣдующемъ году надъ Арсланъ-пашей. Въ 1623 году напалъ на Черногорію Сулейманъ-паша съ огромнымъ войскомъ, но послѣ борьбы, длившейся 20 дней, долженъ былъ отступить. Въ 1687 году черногорцы разбили войска Сулеймана, успѣшно помогали венеціанцамъ въ борьбѣ съ турками, а затѣмъ самостоятельно разбили турокъ въ 8-ми-дневномъ бою; въ 1689 году они оказали важныя услуги австрійскому императору Леопольду, а въ 1693 году принимали участіе въ новой войнѣ венеціанцевъ противъ турокъ. Въ войнѣ русскихъ съ турками черногорцы были въ 1711 году союзниками Петра Великаго, а въ 1712 году самостоятельно отразили нападеніе турокъ, пытавшихся отомстить имъ за помощь Петру. Послѣ неоднократныхъ побѣдъ, въ слѣдующемъ году черногорцы вынудили турокъ просить мира, на который, однако, черногорцы не согласились. Въ слѣдствіе этого 120-ти тысячная турецкая армія вторглась въ 1714 году въ Черногорію и произвела въ ней ужасныя опустошенія; но въ слѣдующемъ году черногорцы, собравшись съ силами, нанесли туркамъ жестокое пораженіе, повторившееся и въ 1716 году. Въ 1717 году черногорцы оказали существенную помощь венеціанцамъ, а въ 1722 и 1727 годахъ съ успѣхомъ воевали съ турками самостоятельно. Нашествіе турокъ 1732 года длилось 7 дней и окончилось полною неудачею; столь же неудачны были и нападенія ихъ, какъ въ 1739, такъ и въ 1750 году, когда двинувшаяся въ Черногорію 80-тысячная турецкая армія должна была отступить послѣ мѣсяца борьбы съ потерями, дошедшими, по признанію самихъ турокъ, до 40 тысячъ человекъ. Шестимѣсячная борьба въ 1767 году черногорцевъ съ союзными силами турокъ и венеціанцевъ окончилась изгнаніемъ союзниковъ изъ предѣловъ Черногоріи. Три турецкія арміи окружили въ 1768 году Черногорію со стороны суши, а венеціанцы съ моря. Не взирая на крайній недостатокъ боевыхъ припасовъ и строгую блокаду побережья, черногорцы защищались упорно, а, отбивъ у непріятели 60 повозокъ съ порохомъ, они еще

болѣ окрѣпли духомъ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ сраженіи нанесли одной изъ турецкихъ армій тяжкое пораженіе; остальные турецкія войска также были вынуждены къ отступленію. Въ 1774 году черногорцы успѣшно отразили нападеніе венеціанцевъ. Въ 1785 году, воспользовавшись возникшими въ Черногоріи несогласіями, турки вторглись въ ея предѣлы и наложили на нее, послѣ крайнихъ жестокостей, тяжкую дань; но вскорѣ затѣмъ черногорцы собрались съ силами, отказались отъ уплаты дани и объявили себя свободными и независимыми. Въ 1792 году черногорцы одержали надъ турками двѣ побѣды, а въ 1795 еще одну. Послѣ того, какъ началась французская революція, скутарійскій визирь Кара-Махмудъ, пользуясь тѣмъ, что венеціанцы были заняты въ Италіи, пытался овладѣть въ 1796 году Далмаціею, но Черногорія этого не допустила и увеличила при этомъ нѣсколько свою территорію. Въ сентябрѣ того же года Кара-Махмудъ напалъ на Черногорію, но потерпѣлъ пораженіе, былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ; голова его доселѣ сохраняется въ Цетиньѣ. Въ теченіе наполеоновскаго періода черногорцы сражались вмѣстѣ съ русскими противъ Наполеона. Попытка маршала Мармона овладѣть въ 1808 году Черногоріею окончилась неудачею, также какъ и предпріятіе турокъ въ 1810 году. Борьба съ турками длилась около года и кончилась потерею турками Бѣлопавицы, которою Черногорія овладѣла въ третій разъ. Въ 1812 году турки вновь подошли къ границамъ Черногоріи, но были разбиты раньше, нежели ихъ союзники французы могли придти имъ на помощь.

По соглашенію съ англійскимъ флотомъ, черногорцы оперировали въ 1813 году противъ французовъ у Катаро на адриатическомъ побережьѣ и овладѣли Будвой и Катаро, которыя перешли, однако, въ слѣдующемъ году къ Австріи. Враждебныя предпріятія турокъ противъ черногорцевъ въ 1819, 1831 и 1835 годахъ не имѣли успѣха; въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ была присоединена къ Черногоріи провинція Скутари. Въ 1840 году черногорцы троекратно одержали побѣды надъ турецкими войсками, перешедшими границы Черногоріи; одинаково успѣшны были военныя дѣйствія черногорцевъ противъ того же врага въ 1842, 1844, 1847 и 1849 годахъ. Послѣднія описываемыя авторомъ непріязненныя дѣйствія между черногорцами и турками имѣли мѣсто въ 1852 и 1853 годахъ. Скутарійскій паша не хотѣлъ отказаться отъ обладанія Скутарійскимъ озеромъ въ то время, какъ и Черногорія, крайне нуждаясь въ правѣ рыбной ловли въ этомъ озерѣ, настаивала на сохраненіи его въ своей власти. Отношенія между сосѣдними съ озеромъ турецкими и черногорскими подданными обострялись также религіозною рознью и нежеланіемъ турокъ признавать Черногорію свободною и равноправною съ Турціею страной. Лѣтомъ 1852 года князь Данилъ наложилъ на черно-

горцевъ нѣкоторый налогъ. Этимъ распоряженіемъ воспользовались турки для своихъ интригъ среди черногорскаго населенія и склоняли его къ неповиновенію и къ переходу въ турецкое подданство, обѣщая измѣнникамъ важныя матеріальныя выгоды. Узнавъ о такихъ дѣйствіяхъ турокъ, князь Данииль произвелъ въ ближайшихъ къ Жабляку провинціяхъ наборъ и двинулся къ этому укрѣпленію, которое къ его приходу было уже занято черногорцами. Борьба между турками и черногорцами продолжалась до 25-го декабря 1852 года, когда Данииль, слѣдуя совѣтамъ австрійцевъ, покинулъ Жаблякъ. Турки не хотѣли, однако, этимъ удовольствоваться и стремились къ полному завоеванію Черногоріи и лишенію ея независимости; но тутъ пришла на помощь Черногоріи австрійская дипломатія, требовавшая отъ Турціи возстановленія въ Черногоріи *statu quo* и вывода войскъ изъ ея предѣловъ. Требования Австріи встрѣтили поддержку, какъ общественнаго мнѣнія Европы, такъ и кабинетовъ, петербургскаго и парижскаго, и Турція была вынуждена прекратить военныя дѣйствія.

Кромѣ того въ обзорѣваемомъ выпускѣ помѣщены продолженія статей капитановъ Aurelio Ricchetti, Ugo Scotti Berni и Alfredo Fasella.

Окончены статья капитана Giuseppe Grixoni, генераль-майора Tancredi Nagliati, поручика Tito Bataglini и Pietro Citati.

В. Н.

